

КНИГА ЖИЗНИ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ И. Г. ГАМАНА

*В. Х. Гильманов*¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 05.08.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-3

Рассматривается вопрос о философии книги в контексте размышлений о герменевтике в творчестве кёнигсбергского мыслителя XVIII века И. Г. Гамана. В библиоцентрической герменевтике Гамана вопрос о «философии Книги» приобретает статус вопроса о возможности / невозможности опыта истины в целом. В свете этой герменевтики онтология сущего производна от качества «чтения», что обуславливает особую герменевтическую ответственность человека в его диалоге с бытием. Сущее как «Книга жизни» имеет адресата – Читателя, к которому оно обращается как Книга в сложной диалектике своего вокативного овеществления в пророческой эпистемологии Автора, сопротивляющегося «смерти автора» (Р. Барт). Именно этот Автор апеллирует к бесчисленным поколениям Читателя, непосредственно включенного в бытийную судьбу онтологического диалога. «Смерть Книги», или превращение Книги в симулякр по причине «смерти Читателя», утратившего способность «чтения», грозит подтвердить диагноз многих современных мыслителей о превращении мира культуры в автохтонное мерцание гибридно-цитатных руин утраченной онтологии сущего.

Ключевые слова: герменевтика, книга, автор, читатель, онтология, диалог, Гаман.

1. В лабиринте неопределенности

Значимость всякой темы определяется положением дел в культуре и цивилизации, в соответствующем Пространстве и Времени истории. Есть ли сегодня возможность объективного диагноза этого положения дел, или же мы попали в абсолютно закрытую реальность игровой гиперреальности, для которой характерна какая-то апокалиптическая несерьезность, несмотря на постоянно демонстрируемую серьезность, которую усердно показывают или симулируют представители разных культурно-цивилизационных дискурсов, сложившихся в современном мире, начиная от национально-идеологических и заканчивая религиозно-институциональными? Парадокс в том, что современный человек, попав в паутину информационной гиперреальности, оказался заложником и жертвой ее искусственных знаковых систем, тех дискурсивных кодов, которые генерируют в большинстве своем эстетически привлекательные симулякры (Ж. Батай, П. Кюссовски, А. Кожев), все плотнее скрывая от человека свет сущей онтологии и подменяя ее «симулятив-

ными гиперреальностями» (Ж. Бодрийяр). Именно сегодня как никогда в истории ощутим чудовищный парадокс постмодернистского развития с его ужасающим дисбалансом между технократической динамикой и нравственной интуицией, между «чистым» ratio и «практическим» разумом с его категорическим императивом морального действия, между симуляцией и сущим, между Культурой и Цивилизацией, которая становится все более враждебной культурной идее, включая идею человека. Если богословы говорят о враждебности душе современного цивилизационного устройства, о том, что торжество автономного, аутоцентрического разума оказывается «дегуманизацией жизни», то философы и ученые все чаще указывают на отчуждение человека не только от биосферы, но и от ноосферы, в том числе от истории, точнее, от способности корректного и, главное, преобразующего понимания истории, которая в своем почти что анонимном драматизме упорно остается вне рамок культурно-цивилизационного контроля.

Какой тип общественного сознания — философия, естественная наука, искусство, религия и т.д. — мог бы претендовать на хоть какую-то герменевтическую адекватность, на хоть какое-то истинное понимание происходящего в современном мире? Какой тип опыта является опытом сущей, а не симулятивной онтологии и формирует сферу истинного самоосуществления человека — естественно-научный, эстетический, эротический, вертикально-мистический (как в православной аскетике), философский? Есть ли Книга, которая в той или иной степени *определенности* приблизила бы Читателя к проясняющей объективности? Какая Книга может *определенно* — рационально-дискурсивно, эмоционально-психологически, экзистенциально — поставить человека перед необходимостью не допустить окончательную утрату бытийно-исторического времени, без которого человек грозит превратиться в «сироту земного шара» (А. Платонов)? Или, может быть, на фоне известного «набора смертей» — «смерть Бога» (Ф. Ницше), «смерть автора» (Р. Барт), «смерть субъекта» (М. Фуко), который разучился «читать», оказавшись в симулятивном гиперпространстве, — следует объявить и о «смерти Книги»: может быть, Книга тоже стала симулякром, превратившись в функцию от постмодернистской игры? Может быть, в хронотопе этой игры уже давно организовалась своя Антикнига? Чем стала Книга сегодня — откровением добра или зла, истины или лжи? Аккумулированным опытом первичной бытийной ориентации или дезориентации?

В истории культуры Книга при всем разнообразии возлагавшихся на нее функций всегда выполняла прежде всего роль диалектического «деконструктора» сложившихся «конструкций мира», «бытийных схем» соответствующих эпох. Книга всегда была своеобразным «разгерметизатором» герметичной гомогенности определенных картин мира и гетерогенным «провокатором» новых алгоритмов культуры. Книга провоцировала пересмотр старых и рождение новых «дискурсивных кодов». Так, своеобразным «парадигмальным геном» нового принципа реальности, основанного на абсолютности автономного аутоцентризма, явился трактат И. Канта «Критика чистого разума»

(1781). В самом начале европейского Средневековья христианский проект богоцентрической «философии истории» был представлен в трактате Августина «De civitas Dei» (415), который стал фундаментальной парадигмой для последующих веков. К «дискурсивным кодам» жизни в доклассической Греции, без всякого сомнения, относился гомеровский эпос... Книга так или иначе была своеобразным «герменевтическим интегралом» эпохи, обеспечивая связь с прошлым и бытийное движение в будущее благодаря интегративной *определенности* своей идейной значимости, которая очерчивала герменевтический горизонт соответствующей эпохи.

Единственный интеграл относительно общего понимания, обнаруживаемый в дискурсах большинства типов общественного сознания сегодня, — это осознание того, что мы живем в парадоксальные, «итоговые» времена, когда все глобальные проблемы человечества обострены до всех допустимых пределов, когда истории грозит опасность окончательно превратиться в анонимный процесс «расчеловечения человека» (Э. Фромм), когда жизненно необходимо «спасение Книги» как главной семиотической среды, в пространстве которой только и возможно решение проблемы сущностной идентификации человека. Это обусловлено особой спецификой Книги, связанной прежде всего с сохраняющейся тайной языка с его исходной герменевтикой, о сути которой до сих пор спорят ученые. Несмотря на попытки освободиться от «тоталитаризма языка», он продолжает быть нашей судьбой, даже если для многих в постсовременном мире остался лишь «гул языка» (Р. Барт). Язык как первоприродная знаковая среда, как онтологическое основание человеческого опыта (Х.-Г. Гадамер) образует тот когнитивно-психологический горизонт, в котором мир как сущее открывает себя человеку. Благодаря этому Книга, например, столь принципиально отличается от кино, в «языке» которого отсутствуют дифференциальные единицы второго членения (К. Метц), обуславливающие особую специфику значения языкового знака. Именно книга, в отличие от кино, создает особый план экзистенциальной *определенности*, которую, хотя бы условно, можно было бы назвать «определенностью истины», а не ложной экзистенцией. В религиозном дискурсе именно Книга = Библия как фундаментальный знак на границе трансцендентности и имманентности создает сущностную *определенность* Божественного для человеческого, поскольку является «местом встречи», со-бытием Автора и Читателя, что в конечном итоге составляет универсальный принцип герменевтики любой книги.

2. «Проклятый вопрос» Якоби

Шестнадцатого июня 1783 года Фридрих Генрих Якоби, известный философ-писатель из Дюссельдорфа, пишет письмо кёнигсбергскому мыслителю Иоганну Георгу Гаману (см.: Гильманов, 2003), в котором признается, что философия вдруг открылась ему как «чудовищная дыра», как темная пропасть, разделяющая Бога и человека (Hamann, 1965, S. 58). Якоби выражает неверие в способность разума понять конкрет-

ную реальность действительного мира во всей его полноте по причине «проклятого дуализма» разума и чувства, свободы и предопределенности, природы и благодати. С его точки зрения, разум *per se* тоталитарен, из-за чего субъект, находясь в кольце собственных рефлексий, подвержен опасности потерять себя и другого, при этом самого главного Другого — Бога. «Тоталитарный разум» закрывает человеку доступ к Богу и реальному миру. Надеясь на «интуитивное созерцание» чистой веры, Якоби стремится достичь того, что он называет «определенностью» в отношении бытия Бога. «Определенность» является доминирующим понятием в его системе, в которой он стремится совершить, по собственному признанию, «salto mortale» — прыжок из философии в веру. Однако его «salto mortale» не удается, о чем свидетельствует его письмо к Гаману от 18 октября 1784 года: Якоби просит у Гамана поддержки в отношении «определенности», поскольку «если у человека есть стремление к непосредственному познанию Бога, то в его душе заключена способность, ориентирующая человека отсюда в туда», то есть в трансцендентное, к Богу. «Я верую, Господи! — заканчивает письмо Якоби. — Помоги моему неверию!» (Hamann, 1965, S. 242). Сомнение и неопределенность Якоби — потрясающе точный симптом, с одной стороны, кризиса христианской веры, а с другой — духовных дефицитов Нового времени с его новой «геометрией разума и чувства». В какой-то мере «проклятый вопрос» Якоби ставит нас уже в дискурсе XVIII века перед проблемой «украденного объекта» (П. ван ден Хевель) по причине фундаментального расщепления *определенности* как субъекта («Я»), так и объекта (предметности как таковой).

Стремясь успокоить Якоби с его ужасом перед «метафизикой отсутствия», Гаман предлагает ему свою «философию Книги», в которой субъект и объект, разум и чувство образуют единство в диалектике «буквы» и «духа». В письме от 22 января 1785 года он пишет: «Определенность нашего знания не зависит напрямую ни от наших сил, ни от нашей организованности, но прежде всего от определенности самого предмета этой определенности и его доверительного самораскрытия нам в соответствии с масштабом наших сил» (Ibid., S. 329). В этом на первый взгляд туманном ответе Гамана отражена тринитарная структура его «философии Книги», которую в контексте его христоцентризма правильнее назвать «теологией Книги», поскольку под «предметом определенности», только и способным дать нам «определенность», Гаман однозначно имеет в виду Христа. Именно Христос, по убеждению Гамана, является тем Словом, тем Логосом, тем Предикатом, тем Сказуемым, благодаря которому «Бог-Поэт», Бог-Автор дает ключ к пониманию трех Своих основных Книг.

«Бог — писатель!» — такими словами начинается все творчество Гамана, что подчеркнуто единственным издателем полного собрания его сочинений Й. Надлером, поставившим эту фразу в самое начало первого тома, который открывается сочинением Гамана «О толковании Священного Писания» (см.: Hamann, 1949–1957, Bd. 1, S. 5). Согласно Гаману, «Бог-Писатель» нисходит к человеку в образной структуре трех Своих сокровенных Книг — Книги природы, Книги истории и Свя-

щенного Писания. Понимание этих Книг возможно только как экзистенциально значимое, преображающее переживание действительности как Откровения, как текстов Бога, чем обуславливается тот факт, что все вопросы и загадки, тайны и мысли, касающиеся Бога и истории, Творца и творения, их взаимоотношения центростремительно сводятся к проблеме основополагающего «дискурсивного кода» для правильного прочтения Книг Бога. Подобное понимание Бога как «писателя» приводит к тому, что столицей примирения различных форм общественного сознания Гаман избирает филологию в качестве базовой науки всех наук, поскольку если Бог — «автор» основных «текстов» жизни, то умение слышать и понимать язык этих текстов является ключом, Альфой и Омегой истинного познания. Себя самого Гаман называл «philologus crucis» (Hamann, 1949–1957, Bd. 2, S. 249). Филологичность Гамана имеет прямое отношение к основополагающим аспектам «философии Книги» в ее тринитарной структурной специфике — Автор, Читатель, понимание — и касается прежде всего вопроса об истинности Книги, что у Гамана напрямую связано с вопросом о методе понимания.

3. Герменевтика Гамана

Истинное понимание основано у Гамана на христоцентрической традиции гуманистической филологии с ее полифоничностью и синтетичностью. Само понятие «наука» конституируется у него на герменевтике «Слова», или «образа», с его герменевтическим ключом в Библии. Это понятие предполагает совокупное, неизолированное отношение к истории, философии и поэзии, «иначе из ораторов получаются болтуны, из знатоков истории — энциклопедисты, из философов — софисты, из поэтов — забавные весельчаки» (Ibid., S. 176).

Гаман предвосхитил многие поиски современной герменевтики, исходя в своей теории понимания из необходимости соблюдать строгие и «нежные» правила понимающей морали в отношении познаваемого объекта, чтобы не «поранить» святое измерение его инобытийности, инаковости, особой единственности: это — «понятийное смирение», «немое внимание», «глубокое благоговение» и даже самопожертвование. «И я забыл все книги, я стыдился того, что когда-то сравнивал их с Книгой Бога, что иногда даже какую-нибудь из них предпочитал ей. Я узнавал мои собственные преступления в истории еврейского народа, я читал свою собственную биографию и благодарил Бога за его терпение с этим народом, потому что ничто не давало мне повода для такой же надежды, как такой пример. С этими размышлениями я читал вечером 31 марта 5-ю главу 5-й книги Моисея и впал в глубокую задумчивость, думая об Авеле, о котором Бог сказал: Земля отверзла уста свои принять кровь брата твоего. Я чувствовал, как бьется мое сердце, я слышал голос его, вздыхающий и жалующийся в глубине, как голос крови, как голос убитого брата, и почувствовал, как переполняется мое сердце. Оно обливалось слезами; я дольше уже не мог, я не мог скрывать от Бога, что я был тот убийца, братоубийца Его кровного сына.

Дух Божий продолжал, несмотря на мою большую слабость, несмотря на долгое сопротивление, которое я оказывал Его свидетельству, Его прикосновению, в Его желании открывать мне все больше и больше тайну Божественной любви и благоденствие веры нашего Спасителя. Среди стонов, издаваемых перед Богом толкователем, который дорог Ему, я продолжал читать Божественное Слово и чувствовал поддержку Того, Кем Оно было написано как единственный путь понять смысл этого Писания» (Hamann, 1949–1957, Bd. 2, S. 40). Это выдержка из исповеди Гамана о жизненном повороте в его судьбе, который случился 31 марта 1758 года. Читая историю народа Израиля, в библейском тексте он узнаёт свой собственный грех и вину по отношению к Богу и «другому». В прочтении библейской истории ему встречается Слово Бога как ведущее к преодолению самого себя обращение, и Слово это становится толчком к перелому, определившему всю его дальнейшую жизнь. Герменевтически важным является положение о том, что понимание этой истории осуществляется Гаманом на пути самоидентификации: «Я читал свою собственную биографию», — пишет он. При таком подходе происходит обратное модели «Я — Оно», «Я — Не-Я» — той модели, которая основана на картезианской дихотомии «субъект — объект». При таком подходе не Слово Писания экстраполируется в сегодня, а, наоборот, Читатель видит себя перемещенным в библейскую историю. Субъектом толкования выступает не человек, а Автор Писания. В этом пункте подход Гамана совпадает с подходом У. Эко в его работе «Спор интерпретаций» (см.: Eco, 1992, S. 47–79).

Гаман создает совершенно удивительную в своей актуальности модель понимания. Поскольку для Гамана Бог — это Автор текста, поскольку Его сказывание в библейском Откровении становится текстом, то этому тексту выпадает судьба всех текстов, а именно: то значение, которое мы приписываем тексту, не всегда совпадает с тем, что хотел сказать автор. Это как раз то, что П. Рикёр описывает как «автономное бытие текста» (Ricoeur, 1974, S. 28) по отношению к интенции автора: автор бессилён повлиять на дальнейшее восприятие и историю воздействия своих высказываний. Поскольку Бог «выговорился» через пророков и Сына, поскольку Его речения и свидетельства стали текстом, то Книги Бога оказываются во власти определенной «эстетики усвоения». Классификаторское рвение интерпретаторов нередко приводит к тому, что при выявлении значений содержания текстов они редуцируются до определенной значимости посредством предзнания, предрасположенностей интерпретаторов. Это одна из наиболее распространенных моделей восприятия текстов, когда они сводятся к уже имеющимся уровням отношений в фоновых знаниях Читателя без процесса слияния его герменевтического горизонта с горизонтом Автора.

В этом плане любой текст так же, как текст Библии, как «писательство» Бога, означает беззащитность по отношению ко всем возможным формам его интерпретационного завладения, поскольку понимание как конституирование значений текста сильно зависимо от рамок собственного горизонта интерпретатора, который, как полагает Гаман, отказывается от «понятийного смирения» и «немного внимания» по отно-

шению к тексту и который не хочет отказаться от своего «уже знания» и позволить тексту «поучать» себя. У Гамана «смирение» по отношению к познаваемому объекту выступает как основополагающая предпосылка познания.

Эта гамановская герменевтическая директива, ориентированная на текст Откровения, оказывается релевантной для толкования не только библейских, но и всех остальных книг. Гаман постулирует особого рода специальную научную мораль, выступающую в качестве требования особой этической корректности по отношению к объекту. Рикёр также указывает на необходимость поворота традиционных герменевтических способов восприятия. «Понимание, — пишет Рикёр, — это прежде всего самопонимание перед текстом» (Ricoeur, 1974, S. 33), что означает не навязывание тексту собственной ограниченной способности интерпретации, а «подставление» себя тексту, своеобразное «разоружение» перед Книгой с тем, чтобы получить от нее более широкое и более точное знание о себе как о «проекте бытия», выступающем действительной формой соответствия «проекту мира». Не субъект конституирует понимание, а, наоборот, сама личность, лучшая сторона субъекта, конституируется «делом» Книги. В Евангелии от Марка сказано: «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее. А кто потеряет душу свою ради меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Марк. 8: 35). С явным намеком на это положение из Евангелия Рикёр так формулирует характер герменевтического взаимодействия между Книгой и читателем: «Я, читатель, найду меня только тогда, когда потеряю себя» (Ricoeur, 1974, S. 119). То есть то, что у Гамана выступает в качестве герменевтического принципа толкования текста Святого Писания, — «смирение» — является директивой и нормой герменевтической открытости субъекта в рамках теории интерпретации в целом.

Для современной герменевтики данные герменевтические директивы Гамана представляются чрезвычайно актуальными для преодоления интеллектуального «нарциссизма» радикально рационалистической и утилитарной картины мира Нового времени, следствием которой стала драматичная неспособность человека к коммуникации с историей, природой, с другим, с Богом. Именно эта неспособность в конечном итоге может привести к «смерти Книги», превратив ее в «мертвую букву», лишенную духа, то есть в симулякр.

4. «Философия Книги» и Просвещение

В контексте размышлений Гамана «философия Книги» складывается из трех «философий»:

- 1) «философии Автора», включающей его идеальный проект, его «бином воли», его коммуникативную цель;
- 2) «философии Читателя» с его имманентной или приобретенной способностью к чтению и пониманию;
- 3) «философии со-бытия» Автора и Читателя в круге Книги, например в художественном мире литературного произведения. Это герменевтический компонент. Он — решающий в «философии Книги», самый трудный и самый драматичный.

Но «герменевтический проект» Гамана по «радикальному просвещению» Просвещения оказался проваленным, несмотря на его чувствительное воздействие на Гёте и немецких романтиков, которые отвергли, однако, главное ядро его «философии Книги» — христоцентризм: понять Автора в его Книге, по Гаману, можно лишь пребывая в духе Автора. Идея Гамана о «духе Автора», соответствующая общим основам христианской герменевтики, не нашла поддержки у Просвещения, основной девиз которого сформулирован в знаменитом сочинении Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?»: «Просвещение — это *выход* человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-либо другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-либо другого. Sapere aude! — Имей мужество пользоваться своим собственным рассудком! Таков, следовательно, девиз Просвещения» (Кант, 1994, с. 29). То есть девиз Просвещения — это «выход», «exodus», «высвобождение» из «несобственного» модуса бытия, из тех религиозных, общественно-культурных форм жизни, из тех Книг, в которых человеку предписан «закон», «имя», а не он сам предписал себе «закон» и «имя». Просвещение — это выход из гетерономии в автономию бытия, из «вертикальности имя-творчества» в «горизонтальность».

С точки зрения Гамана, противостоящего критической рациональности, «выход» Просвещения означает прежде всего «отчуждение» как человека, так и природы: это «отчуждение» означает в теологическом вокабуляре отделение твари, «высвобождение» тварного бытия из теоцентрической перспективы мира. Это начало нового Откровения нового автономного принципа — автономного чувства, автономного разума, автономных Автора и Читателя (см. в этой связи: Гильманов, 2013).

Гаман, тонкий диалектик, мыслитель «микрологической» научной щепетильности, хорошо понимает «героику» Просвещения в борьбе за достоинство человека. Он, кажется, даже испытывает сочувствие к его «титанам», никогда не превращая свои «крестовые походы» (см.: Гильманов, 2005) против них в личную неприязнь: он дружен с Гердером, Кантом, Якоби, Гиппелем; он высоко ценит Лессинга и Мендельсона. Но он не может принять идеалов Просвещения, основанных на самодостаточности автономного разума, который, в понимании Гамана, обречен на умерщвление живой диалектики Автора и Читателя, диалектики «буквы» и «значения». Автономный разум пишет собственную Книгу, рождая собственную «букву», собственное «имя», «значением» которого становится он сам. Гаман убежден, что этот маленький «вечный круг» захваченности разума самим собой опасен для культуры и имплицитно энтропию чувства и мысли, имплицитно в конечном итоге то, что Ницше назвал «величайшим из событий нового времени», — «смерть Бога».

В этом смысле импликациями «выхода» Просвещения, согласно взглядам Гамана, являются «выход» человека из Книги жизни, «убийцей» которой становится сам человек, «выход в могилу», которую сам «убийца» и роет для себя (см.: Hamann, 1949 – 1957, Bd. 3, S. 224).

Очень важно понять и иметь в виду, что Гаман не отвергает стремления Просвещения к гуманистическому обустройству жизни, к освобождению человека от анонимности его бытия. Именно эти устремления Просвещения к большей открытости, к большей герменевтической чуткости в отношении к реальной, эмпирической действительности, к ее разнообразию, ее внутренним значениям Гаман воспринимает очень серьезно и мотивированно. Но он не верит в формулу автономии, напротив, он убежден, что истинный гуманизм может быть найден только в свете трансценденции. Автономия, основанная на замкнутой в самой себе имманентности, приведет, по его мнению, только к новым формам несвободы, к подавлению человека и природы, что в определенной степени подтверждается современным опытом инструментализации природы и явно ощутимой растерянностью на попроще современной антропологии.

Таким образом, в контексте размышлений о Гамане вопрос о «философии Книги» приобретает статус вопроса о возможности / невозможности опыта истины в целом. При этом важно подчеркнуть, что судьба онтологии оказывается функцией от качества «чтения», поскольку ее диалогическая природа напрямую обуславливает особую герменевтическую ответственность человека перед сущим. Само сущее как «Книга жизни» обращается к человеку как Книга в сложной диалектике своего овеществления в эпистемологической «языковости» пророка, ученого, поэта, а через них — к бесчисленным поколениям Читателя, который вольно или невольно оказывается включенным в бытийную судьбу онтологического диалога. «Смерть Книги», или превращение Книги в симулякр, грозит подтвердить диагноз многих современных философов (Х. Арендт, Ф. Гваттари, Ж. Делёза) о превращении мира культуры в автохтонное мерцание гибридно-цитатных руин. Вот почему сегодня так важны образовательно-реанимационные усилия по спасению Книги, что только и может решить насущную эпистемологическую проблему, то есть проблему такого качества знания, которое обеспечит человечеству выход из пике нарастающего катастрофизма. Похоже, что сегодня как никогда важно открыть Книгу, чтобы ответить наконец на призыв «ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати с нее?» (Откр. 5: 2). Или нам все же придется разделить слезы Богослова о том, «что никого не нашлось достойного раскрыть и читать сию книгу, и даже посмотреть в нее» (Откр. 5: 4)?

Список литературы

Гильманов В. Х. Герменевтика «образа» И. Г. Гамана и Просвещение : монография. Калининград : Изд-во КГУ, 2003.

Гильманов В. Х. «Крестовые походы» И. Г. Гамана против Просвещения // Вестник МГУ. Сер.: Философия. 2005. №3. С. 14–26.

Гильманов В. Х. И. Г. Гаман и И. Кант: битва за чистый разум : монография. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013.

Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 8.

Eco U. Die Grenzen der Interpretationen. München ; Wien : Carl Hanser Verlag, 1992.

Hamann J. G. Briefwechsel : in 8 Bdn / hrsg. von A. Henkel. Frankfurt a/M : Insel, 1965. Bd. 5 : 1783 – 1785.

Hamann J. G. Sämtliche Werke : in 6 Bdn / historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Wien : Thomas Morus Presse im Verlag Herder, 1949 – 1957.

Ricoeur P. Philosophische und theologische Hermeneutik // Ricoeur P., Jünger E. Metapher. Zur Hermeneutik religiöser Sprache. München : Kaiser, 1974.

Об авторе

Владимир Хамитович Гильманов, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gilmanov.wladimir@rambler.ru

Для цитирования:

Гильманов В. Х. Книга жизни в герменевтике И. Г. Гамана // Слово.ру. Балтийский акцент. 2019. Т. 10, №4. С. 34 – 44. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-3.

THE BOOK OF LIFE IN THE HERMENEUTICS OF JOHANN GEORG HAMANN

V. Kh. Gilmanov¹

¹Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St, Kaliningrad 236016, Russia
Submitted on August 5, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-3

In this article, I consider the philosophy of the Book in the context of reflections on hermeneutics in the works of the 18th-century Königsbergian thinker Johann Georg Hamann. Hamann's bibliocentric hermeneutics treats the 'philosophy of the Book' as the question as to whether the experience of truth as such is possible. In the light of his hermeneutics, the fate of ontology is a function of the quality of reading since its dialogical nature directly determines a person's special hermeneutic responsibility towards all that exists. In being the Book of Life, all that exists communicates with the human being as if it were the Book. It does so within the complex dialectics of objectivation in the epistemological linguisticity of a prophet, a scientist, or a poet and, through them, reaches out to countless generations of the Reader, who is voluntarily or involuntarily involved in the existential fate of the ontological dialogue. The 'death of the Book', or the transformation of the Book into a simulacrum, may confirm the diagnosis given by many modern philosophers: the world of culture is turning into an autochthonous flicker of hybrid quotations ruins.

Keywords: hermeneutics, book, author, reader, ontology, dialogue, Hamann.

References

Gilmanov, V., 2003. *Germenevtika «obraza» I.G. Gamaņa i Prosveshchenie Kalinina-grad* [Hermeneutics of Image by J.G. Hamann and Enlightenment]. Kaliningrad (in Russ.).

Gilmanov, V., 2005. Crusades of J.G. Hamann against Enlightenment. *Vestnik MGU. Ser.: Filosofia* [Bulletin of Moscow State University. Ser.: Philosophy], 3, pp. 14–26 (in Russ.).

Gilmanov, V., 2013. *J.G. Gamaņa i I. Kant: bitva za chistyĭ razum* [J.G. Hamann and I. Kant: Struggle for Pure Reason]. Kaliningrad (in Russ.).

Kant, I., 1994. The Answer for the Question: What is Enlightenment? In: I. Kant. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 8. Moscow: Choro. pp. 29–37 (in Russ.).

Eco, U., 1987. *The limits of Interpretations*. Munich, Vienna: Carl Hanser Verlag.

Hamann, J., 1949–1957. *Collected Works*. Vienna: Thomas Morus Presse im Verlag Herder Wien.

Hamann, J., 1965. *Correspondence*. Vol. 5. Wiesbaden: Insel.

Ricoeur, P., 1974. Philosophische und theologische Hermeneutik. In: P. Ricoeur, E. Juengel. *Metapher. Zur Hermeneutik religiöser Sprache*. Munich: Kaiser.

Ricoeur, P., 1974. *Metapher. To the Hermeneutics of religious language*. Munich: Kaiser.

The author

Prof. Vladimir Kh. Gilmanov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gilmanov.wladimir@rambler.ru

To cite this article:

Gilmanov, V. Kh. 2019, The Book of Life in the hermeneutics of Johann Georg Hamann, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 4, p. 34–44. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-3.